

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ГОУ ВПО ЛНР «ЛУГАНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО»
КАФЕДРА РУССКОЙ И МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

**РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА
В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО ЛИТЕРАТУРНОГО
ПРОЦЕССА – 2018**

**Материалы
Университетской
научно-практической конференции**

(11 апреля 2018 г.)

Луганск

2018

УДК 821.161.1.09 (082)

ББК 83.3 (2Рос)-02Я43

Р 89

Рецензенты:

Унукович В.В. – заведующий кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации Луганской государственной академии культуры и искусств имени Михаила Матусовского, кандидат филологических наук, доцент;

Соболева И.А. – и.о. заведующего кафедрой русского языкознания и коммуникативных технологий ГОУ ВПО ЛНР «Луганского национального университета имени Тараса Шевченко», кандидат филологических наук, доцент;

Нередкова С.С. – декан факультета филологии и массовых коммуникаций ГОУ ВПО ЛНР «Луганского национального университета имени Владимира Даля», кандидат филологических наук, доцент.

Р89 **Русская литература в контексте мирового литературного процесса – 2018:** материалы Университетской научно-практической конференции (11 апреля 2018 г.); ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко». – Луганск: «Книга», 2018. – с.

Настоящий сборник является результатом коллективного труда работников высших образовательных учреждений, включает тезисы, статьи и материалы, раскрывающие различные аспекты многогранного литературного процесса 19-20 вв. Адресуется учёным-исследователям, студентам, учителям, слушателям МАН.

Под редакцией

коллектива авторов

Печатается по решению Научной комиссии

Луганского национального университета

имени Тараса Шевченко

(протокол № от 2018 года)

УДК 821.161.1.09 (082)

ББК 83.3 (2Рос)-02Я43

Р 89

©Коллектив авторов, 2018

©ГОУ ВПО ЛНР «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2018

А.С. ПУШКИН В ЛИТЕРАТУРНО-ЭСТЕТИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ В.Ф. ХОДАСЕВИЧА

Пушкин входил в его кровь.

Набоков В. «Дар»

Литературно-критическое наследие В. Ходасевича включает около четырехсот статей и рецензий, из них более восьмидесяти статей посвящено А. Пушкину. Тем не менее изучение литературной критики В. Ходасевича только начинается. Дж. Малмстад и Р. Хьюз подготовили наиболее полное собрание сочинений В. Ходасевича [4]; М. Раггауз [2], О. Коростелев и С. Федякин [1] рассмотрели отдельные эпизоды в творчестве критика; И. Сураг глубоко проанализировала его пушкинистику [3]; В. Шубинский предпринял первую попытку полного жизнеописания В. Ходасевича [7]. Сложность и противоречивость критика, многогранность его творчества, широкие литературные связи и включенность в литературный процесс России и русского зарубежья, недостаточная степень изученности – все это делает исследование критического метода В. Ходасевича актуальным. Целью статьи является рассмотрение основных оценок творчества А. Пушкина в критике В. Ходасевича 1905-1927 годов и связанной с этим проблематики. Научные исследования творчества А. Пушкина, в том числе известные книги В. Ходасевича «Поэтическое хозяйство Пушкина», «О Пушкине» и другие, требуют специального рассмотрения.

Размышляя о природе поэзии и прозы, В. Ходасевич отталкивается от пушкинского сравнения льда и пламени. Это не просто «красивое сравнение», а высказанная мимоходом «глубокая истина». Стихи и проза, как лед и пламень, совершенно различные и даже враждебные между собой стихии: «Огонь пожирает лед, растопляя его. Лед, тая, заливают огонь. Но одна из стихий в конце концов побеждает» [4, с. 111-112]. Писатели, создающие одновременно и стихи, и прозу, все равно вынуждены выбирать и в истории литературы остаются или поэтами, или прозаиками. В. Ходасевич приводит примеры Н. Гоголя и И. Тургенева, которые начинали как поэты, но вошли в историю как прозаики. Более сложный случай представляет М. Лермонтов: смерть помешала ему «создать равновесие» между стихами и прозой, но, по мнению В. Ходасевича, даже если вычеркнуть всю его прозу, несмотря на «величие “Героя нашего времени”», все же Лермонтов остался бы Лермонтовым» [4, с. 112]. Представить его без «Демона», «Мцыри» и некоторых лирических стихотворений невозможно.

Поэта, пишущего прозу, подстерегает враг – объективность, и поскольку психология творчества у стихотворца и прозаика разная, для того, чтобы говорить от первого лица и обойти эту объективность, поэт ищет компромиссные формы повествования: дневник, письма, документы и др. Поэт заставляет свою прозу перевоплотиться в рассказ вымышленного лица. Эти положения В. Ходасевич подтверждает примером А. Пушкина, который «в огромном большинстве своей прозы прибегал к таким искусственным приемам [Там же]. «Повести Белкина», «Рославлев», «Капитанская дочка» – это воспоминания самих героев или рассказы вымышленных лиц. Эти же приемы используются А. Пушкиным в его неоконченных вещах: «Отрывок из романа в письмах», «Марья Шонинг», «Русский Пелаг», «Участь моя решена». Только «Пиковая дама» и «Дубровский» рассказаны самим автором.

Если Россия XVIII века, «екатерининская, победная и торжествующая», вслед за Петром I завершила создание России, и Г. Державин стал певцом этой России, то А. Пушкин «застал Россию уже созданную». В этом В. Ходасевич видит «основную, первоначальную разницу» между Г. Державиным и А. Пушкиным: «Первый воспел Творца, второй – тварь; Державин – господина, Пушкин – раба; Державин – Фелицу-Екатерину, Пушкин – декабристов и горестную судьбу «бедного Евгения» [4, с. 171]. В основе пушкинской всеотзывчивости – любовь к земле, к «равнодушной природе», сияющей «красою вечною», что отражено в формуле: «Лишь юности и красоты / Поклонником быть должен гений». Этой формуле восторженно следовали гораздо менее талантливые поэты пушкинской плеяды, в творчестве которых красота выродилась в «красивость», а прекрасное – в «красивое».

В своей речи на Пушкинском вечере в Доме Литераторов 13 февраля 1921 года В. Ходасевич объяснил тайну пушкинской гармоничности необыкновенными равновесием и полнотой, с которыми поэт решает философские, психологические, описательные, логические, звуковые и др. «параллельные задания» в пределах одного художественного произведения, что придает ему «стереоскопическую глубину» [4, с. 265-266]. Причем, поражает не только мастерство в решении этих заданий, но и количество их. Например, в «Медном всаднике» В. Ходасевич выделяет целый перечень глубоко разработанных тем: 1) национальная трагедия, которая состоит в столкновении петровского самодержавия с исконным свободолюбием массы; 2) бунт Евгения как протест личности против государственного принуждения, столкновения интересов частных и общих; 3) «проклятейший вопрос, имя которому – Европа и мы»; 4) ответ на польские события 1831 года: «бунт Евгения против Петра есть мятеж Польши против России»; 5) включенность «Медного всадника» в цикл петербургских повестей А. Пушкина, а следовательно, изображение «столкновения человека с демонами»; 6) «бесхитростная повесть о разбитых любовных надеждах маленького человека»; 7) описательная сторона: изображение Петербурга и наводнения; 8) Вступление к поэме как «образец блистательной поэтической полемики с А. Мицкевичем» [4, с. 266]. Выполнение этих параллельных заданий порождает и новые параллельные смыслы, которые возникают в том числе и потому, что А. Пушкин показывает предмет с множества разных точек зрения, что придает ему полноту бытия, выпуклость, многомерность и многоцветность [Там же] и воплощает саму природу пушкинского реализма.

Говоря о современном восприятии А. Пушкина, В. Ходасевич напоминает, что в истории русской литературы уже был момент, когда Д. Писарев объявил А. Пушкина «лишним и ничтожным». Отношение Д. Писарева к А. Пушкину было «неумно и безвкусно» и, конечно, не получило поддержки широкого круга читателей, но оно выражало дух времени 1860-х годов, взгляды определенной части русского общества, причем не хулиганов и мракобесов, но «людей небольшого ума и убогого эстетического развития» [4, с. 269], хотя эта была лучшая, а не худшая часть русского общества. «Это было первое затмение пушкинского солнца», утверждает В. Ходасевич, но недалеко и второе, его черты очевидны.

Народились новые люди, которые не видят и не слышат А. Пушкина, и это не отщепенцы и вырожденные, а люди, прошедшие окопы, горы трупов, разрушенные города, вытопанные поля, они разносят «свою психическую заразу», и «до понимания Пушкина им надо еще долго расти», а для этого им «необходимо учиться и развиваться духовно», что ими осознается явно не достаточно [Там же]. Революция принесла «небывалое ожесточение и огрубление во всех без исключения слоях русского народа», и поэтому культуре предстоит период «временного упадка и помрачения. С нею вместе омрачен будет и образ Пушкина» [4, с. 271]. Охлаждение к А. Пушкину, забвение А. Пушкина и нечувствительность к нему В. Ходасевич объясняет ежедневно возникающими новыми условиями советской действительности.

Внутреннее соотношение между А. Пушкиным и эпохой 1920-х годов не осознано обществом и объясняется В. Ходасевичем не только двумя «затмениями пушкинского солнца», то есть органическими общественными причинами, но и рядом изменений в сознании читателей и исследователей. Революционная Россия отодвинула Россию пушкинскую на неизмеримо большее расстояние. Изменились не только общественный строй, но и ритм жизни, уклад, быт, стиль, обычаи, нравы, одежды, моды. Стали непонятны и пушкинский Петербург, и многие образы А. Пушкина, и его язык, и его синтаксис. Чтобы понимать А. Пушкина, нужно учиться и развиваться, а потребность в этом не осознана ни массовым читателем, ни массовым писателем, и им проще сказать, что Пушкин «попросту устарел».

В период «первого затмения» А. Пушкина Д. Писарев проповедовал главенство содержания. Критик грубо нарушал принцип историзма и пытался проецировать мировоззрение 1860-х годов на творчество А. Пушкина. В 1920-е годы ОПОЯЗовцы и формалисты положили в основу своего метода обратный принцип – «отсечение формы от содержания и проповедь главенства формы». И хотя В. Ходасевич никого из филологов ОПОЯЗа в своей речи не называет, все поняли, кого критик имеет в виду. Их В. Ходасевич назвал «писаревцами наизнанку», а в машинописном тексте своей речи предполагал высказаться еще резче – «клеветники и тайные враги Пушкина, действующие под личиной друзей» [4, с. 270, 601]. Б. Эйхенбаум и В. Шкловский в своих публикациях 1922 года продолжили полемику с В. Ходасевичем.

В «Бесах» В. Ходасевич продолжил полемику с Г. Адамовичем о пушкинской традиции в русской поэзии [1]. Критик обратил внимание на «великодушную снисходительность» Г. Адамовича по отношению к А. Пушкину, на упрек поэта в «поверхностном и несложном мировоззрении» [4, с. 397]. Естественно, что такие хлесткие фразы вызывают вопросы к Г. Адамовичу: «с какой такой высоты открывается ему неглубокость Пушкина и в чем обнаружилась пушкинская несложность», ведь Г. Адамович ни с кем не сравнивает зоркость и глубину А. Пушкина. В. Ходасевич делает предположение, что Г. Адамович А. Пушкина не знает, не занимался им, «не читал его» и, читая, не понял. Его взгляд – это взгляд обывателя, наряженного в мундир популярного критика [Там же]. Настоящий А. Пушкин открылся Н. Гоголю, М. Лермонтову, В. Белинскому, Ф. Достоевскому, Д. Мережковскому, М. Гершензону, и уже перечень этих имен говорит о том, что не «мир сложнее и богаче, чем представлялось Пушкину», а Пушкин куда сложнее и богаче, чем представляется Адамовичу» [4, с. 399].

А. Пушкин, таинственный и «темный», знал о «мировой мути», но писал о ней не мутно; он обнажал изломы человеческой души, но писал стихи не изломанные; А. Пушкин помнил завет своего друга А. Дельвига: «Ухабистую дорогу не должно изображать ухабистыми стихами» [Там же]. А. Пушкин обладал «талисманом меры» и для изображения величайшей сложности шел путем величайшей простоты.

А вот методы постижения этой величайшей простоты А. Пушкина были различны. В. Ходасевич пытался примкнуть к академическому литературоведению, по рекомендации П. Щеголева даже числился некоторое время научным сотрудником Пушкинского Дома, но отношения с М. Гофманом, Н. Котляревским, Н. Лернером не сложились: «мертвечинкой пахнет», «заседают по-дундуковски прочно» [4, с. 9]. (Кстати, это почувствовал даже декоратор Маяковский: «бойтесь пушкинистов»). Б. Модзалевский, с которым непосредственно сотрудничал В. Ходасевич и которого искренне уважал [6], был уже тяжело болен, так что академическим пушкинистам В. Ходасевич, к счастью, не стал.

Таким образом, в период с 1905 по 1927 годы происходит становление критика: формируется его метод исследования, в основе которого лежат представления о поэтическом творчестве как автобиографии поэта. В. Ходасевич активно выступает с критическими отзывами в различных изданиях, и А. Пушкин является ключевой фигурой в его критике. Сотрудничество с П. Щеголевым, Б. Модзалевским, М. Гершензоном обогатило критический метод В. Ходасевича. В этот период началась его полемика с Г. Адамовичем, которая продолжалась до конца жизни критика. В. Ходасевич не принял попытку Г. Адамовича отвергнуть пушкинскую традицию и утвердить поэтику М. Лермонтова как модель всей эмигрантской поэзии. Переломным для эволюции В. Ходасевича-критика стал 1921 год, когда он выступил с программной речью об А. Пушкине, принесшие ему широкую известность. Последовавшие в августе смерть А. Блока и расстрел Н. Гумилева способствовали отъезду В. Ходасевича из страны. Любое судьбоносное событие в жизни России В. Ходасевич соотносил с А. Пушкиным, у него искал ответы на самые сложные вопросы жизни и творчества.

Список литературы

1. Коростелев, О., Федякин, С. Полемика Г.В. Адамовича и В.Ф. Ходасевича (1927-1937) / О. Коростелев, С. Федякин // Российский Литературоведческий Журнал. – 1994. – №4. – С. 204-250.
2. Ратгауз, М.Г. 1921 год в творческой биографии В. Ходасевича / М.Г. Ратгауз // Блоковский сборник. X. – Тарту, 1990 (Уч. Зап. ТГУ. – Вып. 881). – С. 117-129.
3. Сурат, И. Пушкинист Владислав Ходасевич / И. Сурат. – М. : Лабиринт, 1994. – 112 с.
4. Ходасевич, В.Ф. Собр. соч. : В 8 т. / В.Ф. Ходасевич / Сост., подгот. текста комм. Дж. Малмстада и Р. Хьюза., Вступ. статья Р. Хьюза. – М. : Русский путь, 2010. – Т. 2. Критика и публицистика (1905-1927). – 720 с.
5. Ходасевич, В.Ф. Письма к М.А. Цявловскому / В.Ф. Ходасевич / Публ. Р. Хьюза // Русская литература. – 1999. – №2. – С. 214-230.
6. Ходасевич, В.Ф. Юнкера / В.Ф. Ходасевич // Возрождение. – 1932. – №2746. – 8 декабря.
7. Шубинский, В.И. Владислав Ходасевич: Чающий и говорящий / В.И. Шубинский. – М. : Молодая гвардия, 2012. – 523 с.